

ГЛАВА 4. «ПАССИВНОЕ ГРАЖДАНСТВО»: ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЯН

4.1. Проблемы политической социализации россиян

Серьезное значение для политической социализации новых поколений людей имеет проблема слабой позиции отца в семье, обществе и государстве в современной России. Непросто дать глубокий и всесторонний анализ исторических и социокультурных причин размывания социального института отцовства. Констатируя эту тенденцию, попытаемся выявить хотя бы некоторые из множества ее психологических, социальных и политических последствий. Применимость методологии и результатов психоанализа к проблеме социализации обосновывать нет нужды, в политической психологии и в политической науке в целом психоанализ представляет собой одно из важных направлений исследований, касающихся поведения и психики политических лидеров, социальных групп и масс. Есть работы, детально рассматривающие проблему соотношения психологии, социологии и политологии, и выдвигающие тезис о психологии как фундаменте этих двух наук [Фишман 2004: 56].

Известны данные статистики и социологии о плачевной демографической ситуации в России, снижении рождаемости, увеличении числа разводов и неполных семей. Кризисы – демографический, семьи, отцовства, личностной и социальной идентичности, морали и нравственности, – зафиксированы в научной литературе. Специалистам понятен и вывод о социальных и психологических патологиях (преступности, насилии, детской агрессивности, распаде семьи, разного рода зависимостей, плохой успеваемости, психических расстройствах, самоубийствах и т.п.) как следствии распространения безотцовщины. Эту проблему можно рассматривать в контексте морального коллапса в современном мире и России и его связи с политической ситуацией, с перспективами развития утопий и идеологий, морали, нравственности и правового сознания [Мартьянов, Фишман 2010; Фишман 2011].

Но на нее можно посмотреть и с иных позиций. Кризис института отцовства И. С. Кон рассматривает как важный аспект трех взаимосвязанных процессов – кризиса семьи, маскулинности и власти [Кон]. Правда, с оценкой политических аспектов кризиса власти со стороны И. С. Кона можно поспорить. Он писал, что в демократических странах граждане являются политическими сиротами, привыкшими жить без «отца» как вождя

и защитника. Все дело в том, какой смысл имеет выражение «политические сироты». На наш взгляд, И.С. Кон не вполне корректно переносит характеристики российской ситуации на европейский контекст. Да, единственного вождя граждане западноевропейских государств были лишены, однако это является скорее благом, поскольку мужчины, отцы семейств к концу XIX – началу XX веков обрели политическую автономию и конституционные права и свободы. «Мультипликация авторитаризма» отцов как обратная сторона ограничения абсолютной власти монарха выступает в истории Европы одним из элементов модернизации и демократизации. Полная власть отцов над домочадцами в частной жизни стала основой развития политического самосознания и усвоения ими новой публичной роли.

Как развивался институт отцовства в России? В советское время был нанесен серьезный удар по авторитету отца в семье, обществе и культуре. История, идеология, механизмы и технологии данного процесса – тема отдельных исследований. А. Левинсон описывает важнейшие трансформации, произошедшие в семье, частной и публичной сфере, соотношении мужского и женского в период становления и развития советского строя. «Государственная система детских учреждений, учреждений здравоохранения, образования частично разделили между собой функции семьи, исполнявшиеся женщиной-матерью, приняли на себя задачи социализации. Огосударствление личных внутрисемейных... отношений было совершено в национальных масштабах, то есть поголовно, как это свойственно тоталитарному государству... Произошло прорастание семьи в государство, а государства в семью» [Левинсон 2011: 139]. Государство заменило хозяина-мужчину, каким он был в традиционной семье, но лишило его возможности полноценно исполнять отцовскую функцию социализации детей.

Каковы последствия замены отца государством? Во-первых, государство стало заместителем хозяина, отца и мужского в целом. Произошло это в силу множества причин – систематической экспансии Российской империи, колонизации пограничных и внутренних регионов, революций, войн, репрессий, коллективизации и т. д. Сокращение количества мужчин в результате систематической мобилизации их государством на внешние и внутренние войны, «освоение пространств», индустриальное строительство и т.п., мобилизации, не обеспеченной элементарными условиями жизни, – вот «цена» советской модернизации, сказывающаяся до сих пор. Во-вторых, Сталин с помощью силовых структур провел операцию персонификации власти, самовоздвижения на вершину государства. Он стал вождем, устранив не только «ленинскую гвардию», но и потенциальных поли-

тических конкурентов. Это стало способом экспроприации им целого государства как хозяйства, собственности и инструмента тотального господства над подданными. Идеологическим и культурно-символическим способом легитимации концентрации власти в одних руках стало присвоение им роли «отца всех народов». Истощение сил и энергии мужского населения – это одна из социальных технологий власти, способ предотвращения социального недовольства и напряжения. Посредством такой политики И. Сталин фактически лишил всех рядовых граждан мужского пола не только экономической роли самостоятельных хозяев или работников и политической автономии, но даже символического значения отца в собственной семье. Произошла двойная рокировка: государство отобрало многие функции у физических отцов, а Сталин сделал своей собственностью государство. Но стал не подлинным, но мнимым отцом.

Механизм обожествления, создания культа «отца», и цель, ради которой это делается, на примере культа Ленина, показывает С. Московичи. Культ личности Ленина, созданный Сталиным и другими их сподвижниками, перешел на «создателей» этого культа – руководителей партии, а потом, после специальной работы, на одного единственного вождя. С. Московичи описывает, как Сталин, уничтожая собственных конкурентов в борьбе за наследство Ленина – власть, пожирает биографии всех «свидетелей революции». «Поднявшийся на позицию единственного великого человека революции, он становится узурпатором вдвойне: узурпатором своих «братьев», или товарищей, и узурпатором Ленина, который хотел отстранить его от своего наследия. Он провозглашает себя образцом, которому каждый должен следовать и повиноваться, как своему отцу». Он похищает даже любовь, которую массы испытывали к старым революционерам. «И когда любовь становится осиротевшей, массы ее переносят на него» [Московичи 1999: 442]. Попутно И. Сталин переписывает историю революции, переплавляя «коллективную историю в биографию одного человека, ее божественного демиурга» [Московичи 1999: 444].

И. Сталин присвоил роль Бога-отца – «отца народов», создав собственную светскую религию и культ. Но свержотец – это всегда псевдоотец. Д. Ранкур-Лаферриер выявляет роль жестокого отца и слепо любящей матери в формировании психики Сталина, а также механизмы перенесения «личных мотивов с объектов семьи на объекты общества» [Ранкур-Лаферриер 1999: 501]. Интересно и то, каким образом компенсацией чувства неполноценности для Сталина стало идеализированное «Я». С ощущением себя жертвой, сформировавшимся в детстве, Сталин справлялся с помощью садизма. «...он снова и снова был своим жестоким отцом, а не своей бедной матерью, не самим собой... Его отождествление с агрессивно-

ром достигало завершенности во время совершения садистского акта». Садизм, мстительность и мегаломаническую жажду власти Сталин компенсировал отнюдь не в своей фантазии, но в реальной жизни. Главным источником этих качеств личности Сталина Д. Ранкур-Лаферриер считает не «ущемленный нарциссизм Сталина и его последующую социопатию, а плохие отношения с родителями (особенно с отцом)» [Ранкур-Лаферриер 1999: 518]. Известна зловещая роль И. Джугашвили и в отношении собственных детей. Отождествление Сталина с Иваном Грозным, другими жестокими русскими царями, и даже с Гитлером – еще один психологический механизм, общий для становления деспотических правителей в России. Э. Эриксон раскрывает сходные механизмы формирования патологических нарушений в психике Гитлера. Здесь тоже негативную роль сыграли болезненные отношения юного Адольфа с отцом, пьяницей и тираном, и матерью, прощающей отца и «предающей сына» [Эриксон 1999].

Фигура Сталина отсылает нас к первому в русской истории квазиотцу – Ивану Грозному. Психоаналитический подход (наряду с прочими) позволяет высветить фактическую, а не мифо-идеологическую роль этого царя в российской истории и культуре. Речь идет о психоисторическом «вкладе», «следах» его деятельности, архетипах коллективного бессознательного, осевших в социально-психологических установках индивидуальной (политические лидеры) и коллективной (население) ментальности. Они до сих пор сохраняются в политической культуре, определяющей политическое поведение людей. Очевидно, последующие властители совершенно сознательно использовали ту технологию концентрации власти, которую открыл Иван Грозный, но чтобы воплотить ее, нужно состояние психики, типологически сходное с психикой Грозного. Любая технология имеет институциональные (меры по реорганизации институтов власти) и ментальные аспекты. Основой технологии, устанавливающей абсолютный произвол первого лица, выступает насилие, осуществляемое силовыми структурами, в том числе с помощью методов разжигания конфликтов между аристократией и простонародьем. России «повезло» с теми, кто внутренне готов к применению и совершенствованию такой технологии.

С. М. Зубарев рассматривает политические действия Ивана Грозного сквозь призму ряда психических патологий. Одна из них – «регрессия от Отцовского Закона... к материнскому капризу» [Зубарев 2011: 62]. Причиной как главное деяние Ивана IV стала способ деления населения на «своих» (слепо исполняющих приказы царя и имеющих привилегии) и «чужих», и предоставления «своим» права казнить «чужих». Целью же было достижение абсолютной власти. Ради этого он присвоил роль Сверхотца, Бога, Судьи, устроил собственный «Град Божий» и «Страш-

ный Суд». Самообожествление является проявлением гипертрофированного нарциссизма, который становится следствием «нарушений в прохождении эдипова конфликта, в результате которых ребенок, избегнув прямого столкновения с отцовской фигурой, обесценивает и обходит ее фантазийным способом, объявляя себя, например, божеством» [Зубарев 2011: 64]. Факты биографии первого царя – утрата отца в возрасте трех лет и матери в восемь лет без полноценной их замены, – привели к нарушениям в психическом развитии, к формированию «незрелой, нетриангулированной, доэдиповой личности». Психологический портрет личности Грозного включает следующее: он был неудачливым мужем, скверным отцом – убийцей сына, правителем, оставившим после себя не только тысячи жертв, но и сквозные для российской истории проблемы. Присвоение сверхотцовской роли высвечивает отсутствие реальных отцовских качеств. Страх перед обнаружением своей несостоятельности Иван IV компенсировал усилением личной власти. Террор выступал в качестве мести по отношению к «врагам» и «чужим» – тем, на кого он проецировал собственную вину за смерть матери. Одновременно это было и устранением потенциальных конкурентов. Отсюда психологическая невозможность для него выскочить из логики усиления террора.

К последствиям опричнины относятся крепостничество и Смута. Значение первого – в лишении крестьян не только права передвижения, а также хозяйственной самостоятельности, но и собственной воли и всякой, даже потенциальной субъектности. Смута же стала следствием отсутствия законной передачи власти сильному преемнику, результатом неспособности Ивана IV исполнить роль настоящего отца. Отцовство Ивана Грозного, следовательно, было ложным, он стал первой «тотальной МАЧЕХОЙ россиян» (С. Зубарев) и оставил им в наследство архетип сиротства.

Каждый новый псевдоотец в российской истории возводил свою «харизму» к предыдущим. Психологические основы их власти имеют много общего. «Сталинский “патрицид” – тотальное уничтожение отцовского авторитета в стране укладывается в ту же логику: самозванный чужеродный “братец” (товарищ старым революционерам. – *И.Ф.*) должен уничтожить не только всех возможных сибсов-конкурентов, но и саму идею отцовского авторитета. Тогда он остается единственным “Отцом народов”, а Россия, пусть в форме СССР, продолжает стагнацию как тотальная материнская структура...» [Зубарев 2011: 71]. В результате правления этих деятелей сформировалась российская социально-психологическая и культурная матрица власти «мачеха и дети», «свои» и «чужие». Она и порождает постоянную социальную напряженность и недоверие населения к власти. Все эти фигуры (в силу их самоназванности Отцами) многими

воспринимаются как отцовские, но их истинная метаисторическая роль заключается в формировании или оживлении этой матрицы властвования над населением (как «падчерицей»).

Незаменимую роль отца в семье и обществе в настоящее время никто не отрицает, однако острый кризис отцовства в России, имеющий и институциональную, и культурно-символическую составляющие, публично почти не обсуждается, разве что на страницах специализированных журналов. Как-то странно писать о вещах, кажущихся банальными: отец – основа семьи и социума, ничуть не меньшая, чем мать! Но этот простой тезис отстоит весьма далеко от практики российской системы образования и воспитания. С отцом и его влиянием на социализацию, в том числе и политическую, и властью ребенок сталкивается позже, чем с матерью, где-то на втором или третьем году жизни. Но для этого отец должен быть рядом, а в этом-то и проблема. Влияние отца в архаических обществах сказывается в периоды инициации, прохождения испытаний и признания детей взрослыми. Инициация – одна из основ культуры и общества, определяющая будущее. В современных обществах функции института инициации разобраны по разным ведомствам и сферам жизни и деятельности, он фрагментирован, а зачастую не считается обязательным. Тем не менее, значение отца состоит в помощи взрослению, в идентификации и социализации, приобщении к разным типам социальных отношений, в том числе первичным формам самоорганизации и социального действия. Условием всего этого является ограничение власти матери и материнских структур над ребенком, воспитание у него воли, способности противостоять произволу, самостоятельности, стремления к устойчивым «правилам игры» (нормам, закону, праву), морального и правового сознания.

С. М. Зубарев характеризует Россию как страну «мертвых отцов» и материнских структур, бесконечно воспроизводящих «инцестуозный симбиоз матери и детей» и инфантильность последних [Зубарев 2011: 52]. К таковым относятся все иерархические системы прямого подчинения и распределения благ – детский сад, школа, армия, спецслужбы, тюрьма, церковь, даже государство в целом, например, советское. В этом ряду есть одна массовая фигура – учительница. Она замещает отца в процессе социализации в его роли того, кто ведет в мир взрослых. Она дает детям первый образ власти, социального и политического порядка, воплощает и транслирует государственный заказ на определенный тип личности, на подчинение как господствующий стиль поведения по отношению к власти, знакомит с требованиями к политической культуре и поведению молодого человека. Учительница – это женщина, выступающая в роли отца, она воплощает весьма странную власть в системе образования. Такая

власть воспроизводится на протяжении многих десятилетий и многих поколений. Однако матери и в массе семей обладают столь же странной властью. После смерти или деградации отца мать для части детей становится мачехой, которая, добившись всевластия, присваивает имя Отца. Вот драма русской истории, повторяющаяся и на уровне политических лидеров, и на уровне масс. При отсутствии сильных отцов рядом (а это факт – для большей части населения) мать и материнские структуры опекают детей, ограждают их от влияния, агрессии и конкуренции сначала со стороны родных отцов, а потом и от всех «самцов социума». Следствием такой гипертрофированной опеки является «прогрессирующая инфантильность» поколений, сокращение рождаемости и ослабление институтов отцовства и родительства. Порочный круг замыкается.

Огромное количество российских детей проходит весьма специфическую социализацию в условиях отсутствия или ослабленной роли отцов и доминирования материнских структур. Такая социализация препятствует превращению инфантилов во взрослых и настоящих отцов, становлению зрелой личностной, гендерной и социальной идентичности. Примером подобных структур является церковь. Среди тенденций развития Русской Православной церкви существует одна опасная – фундаментализм [Степанова 2008]. Особенно остро проблема ущемленной социализации видна по советскому периоду, но и в постсоветское время физическая или моральная гибель отцов и все вытекающие последствия – норма, статистика. Всеобъемлющий контроль и подавление инициативы, самостоятельности, критичности, казалось, ушедшие в прошлое, вновь на повестке дня в фактической государственной политике и системе образования. Но что это, как не ограничение возмужания, взросления? Конечной целью такой социализации является контроль за активностью, особенно политической. Не допустить развития субъектов в любой сфере, поскольку такие субъекты рано или поздно могут начать претендовать на политическую власть – вот плохо спрятанный мотив многих реформ в образовании и других сферах.

Главное следствие повторений периодов концентрации власти – «пораженность Отца в русской истории» [Зубарев 2011: 37]. Эта проблема, которую ни общество, ни государство не ставит и не пытается решать, в свою очередь задает фундамент для латентного неосознаваемого конфликта, опасного своей непредсказуемостью для будущего. Возможно, все иные конфликты как-то связаны с этим глубоким конфликтом «между зрелыми и инфантильными субъектами обоих полов» [Зубарев 2011: 54]. Инфантильные люди, доминирующие и среди рядового населения, и, что особенно настораживает, среди политической элиты, принимают полити-